ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 3 **2006**

© 2006 г. А. А. ЗАЛИЗНЯК, В. Л. ЯНИН

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ ИЗ НОВГОРОДСКИХ РАСКОПОК 2005 г.*

Статья представляет собой предварительную публикацию берестяных грамот, найденных в Новгороде в археологическом сезоне 2005 г.

Новгородские раскопки 2005 года принесли, как и в прошлом археологическом сезоне, небольшое число новых берестяных грамот — всего три. Но две из них — это целые, относительно большие документы, представляющие чрезвычайный интерес как для историков, так и для лингвистов.

В 2005 году на новгородском Троицком раскопе продолжались работы на 13-м участке (руководитель работ А. Н. Сорокин) и на 14-м участке (руководитель работ А. М. Степанов). На 13-м участке пройдены напластования первой половины XII века и найдена грамота № 954. На 14-м участке пройдены напластования середины – второй половины XII века и найдены грамоты № 955 и 956.

Принципы записи текста и комментирования — такие же, как в предшествующих публикациях данной серии. Указанные при грамотах стратиграфические датировки носят предварительный характер.

Грамота № 954. Троицкий раскоп. Целый документ из семи строк.

Предварительная стратиграфическая оценка: первая половина XII века. Внестратиграфическая оценка: предпочтительно первая четвертьXII века.

грамота · ѿ жироүька и ѿ тѣшька
къ в[ъ]дъвиноу · мави шильцеви [·] це=
моу пошибаеши свиньѣ цюжѣ · а п[ъ=
нес]ла нъдрька · а еси посоромилъ ко=
ньць въхъ людинь · со оного пⷧоу
грамата · про къни же та бⷭы оже е=
си тако сътворилъ

К сожалению, в нескольких точках буквы читаются ненадежно. Так, в строке 2 возможно также чтение *в*[*ь*]*дъвиноу* вместо *в*[*ъ*]*дъвиноу*, в строке 3 — *а п*[*ь*] вместо *а п*[*ъ*]. В строке 4 начальное *н* написано поверх *и* (или наоборот), так что выбирать между *н* и *и* приходится по смыслу. Следующие две буквы (очень похожие друг на друга) скорее следует интерпретировать как *се*, чем как *ес*. Поскольку, однако, последовательности *апьисела*, *апьнсела*, *апъисела*, *апънсела* не допускают никакой приемлемой интерпретации, следует предполагать, что автор все же имел в виду *а пънесла* (= *а понесла*), хотя, возможно, при записи по ошибке переставил буквы*е* и *с*.

Отрезок *нъдрька*, по-видимому, невозможно истолковать иначе, чем прозвище *Causeздрька*, записанное с пропуском буквы *з*. Это уменьшительное от *ноздря*, вариант к про-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 06-04-00567а) и INTAS (проект № 03-51-3867). Экспедиционные работы в Новгороде поддержаны проектом РГНФ № 05-01-18091е.

звищу *Ноздрьца* (*Ноздрьча*), которое носил новгородец, живший в Неревском конце и упоминаемый в НПЛ под 1118 г., после того как его дом был разграблен во время некоего внутригородского конфликта (см. подробнее ниже). Судя по времени, к которому относится грамота № 954, женщина по прозвищу Ноздрька могла быть какой-то его родственницей.

Заметим еще, что над буквами *ъд* в слове *Нъдрька* усматриваются слабые следы, похожие на букву *з*, так что не исключено, что автор вписал здесь пропущенную букву над строкой; но это ненадежно. Такое же положение со словом *еси*, над которым, возможно, было надписано слово *се*, ныне едва угадываемое.

К счастью, для понимания текста эти неясности большого значения не имеют. Они сводятся в сущности лишь к тому, исправил ли сам писавший свои пропуски и ошибки.

Не соответствует обычным нормам порядок слов в словосочетании *а еси посоромилъ*. Возможно, автор просто пропустил слово *се* (как уже отмечено, может быть, он даже пытался это слово надписать); фраза *а се еси посоромилъ* была бы уже вполне синтаксически правильна. Другие возможности объяснения состоят в том, что сочетание *а еси* образует здесь проклитико-энклитическую тактовую группу (см. [Зализняк 1985, § 2.4]) или что словоформа *еси* несет здесь эмфазу ('ты и в самом деле...'), которая превращает ее в акцентно самостоятельную. Для решения вопроса о том, допускал ли древнерусский язык проклитико-энклитические группы такой структуры, необходимо накопление дополнительного материала.

Неясно окончание *-и* (вместо ожидаемого *-ѣ*) в В. мн. *про к⟨о⟩ни*: это может быть либо эффект фонетического перехода конечного *ѣ* в *и*, либо аналогический перенос окончания И. мн. в В. мн. И то и другое явление в истории древненовгородского диалекта известно, но лишь в более позднюю эпоху. По-видимому, для выяснения этого вопроса тоже придется ожидать появления дополнительного материала.

Колебание между *грамота* и *грамата* — не ошибка: *грамата* есть старый вариант этого заимствованного слова, ср. *Къснѧтинѧ грамата* в берестяной грамоте № 397.

Написание *млви* — не встречавшийся ранее в берестяных грамотах (но изредка представленный в рукописях) вариант записи сочетания типа *ТълТ*. Ныне в берестяных грамотах отмечены уже все теоретически возможные варианты реализации слогового *л*: *мълъви*, *мълви*, *млъви* и *млви*.

Специфическая древненовгородская словоформа В. ед. муж. *въхъ* 'весь' — ценнейшее подтверждение гипотезы о том, что здесь еще до падения редуцированных произошло ассимилятивное изменение корневого *ь* в *ъ*. До сих пор мы располагали на этот счет только свидетельством грамоты № 806 — менее показательным, поскольку эта грамота, во-первых, очень сильно повреждена (она состоит из разрозненных фрагментов), во-вторых, относится к несколько более позднему времени (60-м – 80-м гг. XII в.). В грамоте № 954 словоформа *въхъ* выступает в полностью сохранном и не вызывающем никаких сомнений контексте.

Примечательно, что этой диалектной древненовгородской формы (как и формы *млви*) автор не сумел избежать, хотя он явно старался писать официальным языком: это видно из того, что он употребляет наддиалектное окончание *-ъ*, а не новгородское *-е* в *посоромилъ* и *сътворилъ* (этим же стремлением, вероятно, объясняется и употребление аориста *бысть*).

Окончание *-ь* (а не *-ъ*) в В.ед. муж. *Людинь* — отражение древнейшего варианта данного наименования; ср. *Людинь коньць* в Синод. НПЛ под 1220 г., *съ Людинемь концемь* под 1218 г., также *Людинь конець* в Комисс. НПЛ под 1194, 1425, 1433 гг.

Фраза с *цемоу* ('почему?') лишь по форме является вопросом. Реально это вполне обычная для древнерусских источников форма выражения обвинений или юридических претензий. Ср. в НПЛ: *чему хотелъ еси сести Переяславли* (под 1136 г.); *чему еси отъялъ Волховъ гоголными ловци* (под 1270 г.); *чему взялъ еси Олексинъ дворъ Морткинича*

(там же); *чему поімалъ еси серебро на Микифорѣ Манускиничи* (там же); *а іное, чему выводишь отъ насъ іноземца* (там же). Также в берестяных грамотах: *цому молотишь безъ нашихъ сиротъ; а намъ в землѣ половина а верьши цасть* (в № 755); *цьмоу, бра(те, -- Б҃а не б)ъишися* (в № 548); *цему мя єси погубиль* (в № 272) и др.

Для *понести* здесь следует предполагать значение ʻзаявить (о чем-то порочащем человека)', ʻразнести (дурную славу)', ʻопозорить'. Хотя в словарях такое значение прямо не отражено, оно легко выводится из хорошо засвидетельствованных *поносити* ʻругать, позорить, поносить', *поношение* ʻпозор, поношение'. Близки по значению также *донести* ʻсообщить о преступлении, проступке', *проносити* ʻразносить (дурную славу)'; ср. *а нинеце проноситься ѿ Кюрьяка* в берестяной грамоте № 538.

Общий смысл документа достаточно ясен: авторы Жирочко и Тешко поручают некоему Вдовину предъявить человеку по прозвищу Шильце обвинение в том, что он "пошибает" чужих свиней. Основанием для этого послужили рассказы некоей Ноздрьки. Это дело означает позор для всего Людина конца, поскольку оно приобрело общегородскую огласку — с Торговой стороны пришла грамота, где сообщается, что то же самое Шильце проделал и с конями.

Шильце — несомненно житель Людина конца. Но к Людину концу, очевидно, принадлежат также и авторы документа, и его непосредственный адресат Вдовин. В авторах естественно видеть представителей администрации Людина конца, в адресате — администратора более низкого ранга, например, уличанского старосту.

Если Ноздрька действительно родственница летописного Ноздрьцы (Ноздрьчи), то она жила в Неревском конце; это значит, что обвинения против Шильца поступили сразу с двух других (чужих) концов города — Неревского и Славенского.

Наиболее сложный вопрос состоит в том, что в точности означает в данном случае словоформа *пошибаеши.*

Самым общим значением глагола *пошибати*, если судить просто по входящим в его состав его морфемам, должно было быть ʻнаносить удар, ушиб', ʻушибать, подшибать'. В памятниках такое значение отмечено только применительно к удару молнии (см. [Слов. XI–XVII, 18: 84], статья *пошибити*, знач. 1)[1]. Сюда же примыкает древнерусское *пошибеныи* в переносном смысле: ʻбезумный, лишенный рассудка' (характер переносного значения здесь такой же, как в современном разговорном *ушибленный*).

Древнерусское *пошибати* известно в первую очередь из уставов Владимира и Ярослава о церковных судах и из новгородской договорной грамоты 1190-х гг. Контексты таковы: *аще кто пошибаеть боярьскую дчерь или боярьскую жену* (Устав Ярослава, ст. 3; в одном из списков в совершенном виде: *а кто пошибе*ᵀ *женꙋ боярскꙋ*; см. [Княж. уставы: 92 и др., 104]), *оже пошибаеть мужеску жену либо дчьрь* [ГВНП, № 28] — в обоих случаях следует указание о размере штрафа за это преступление. В уставе Владимира в список преступлений, подлежащих церковному суду, входит *пошибание* (в части списков *пошибение*; см. [Княж. уставы: 15 и др., 67]) — в составе группы, начинающей весь список: *роспусты, смильное заставание, умыкание, пошибание*.

Все словари — Срезн., Слов. XI–XVII, СДРЯ — переводят *пошибати* в этих контекстах как ʻ(из)насиловать'; при этом, правда, СДРЯ помечает данный перевод знаком «?». Сомнение здесь связано с тем, что в уставе Ярослава есть также и термин *насилити*: *аще кто оумчить дѣвку или насилить* (ст. 2, см. [Княж. уставы: 91 и др.]; отметим, что размер штрафа за причиненный *соромъ*, указываемый в статье с глаголом *пошибати* и в

[1] Но сюда не относится глагол совершенного вида *пошибати* ʻнанести удары многим', построенного так же, как *побросать* (всё, многое), *поубивать* (всех, многих) и т. п., который выступает во фразе из Жития Стефана Пермского: *воеводы нѣс(ть), иже бы их порокомъ д(у)ховнымъ пошибалъ и разгналъ* ([Слов. XI–XVII, 18: 84], статья *пошибати*, знач. 1; к сожалению, в этой статье ошибочно объединены глаголы разного вида: "значением 1" назван глагол совершенного вида, "значением 2" — несовершенного).

статье с глаголом *насилити*, в точности одинаков). Весьма важен здесь латинский перевод уставов Владимира и Ярослава, сохранившийся в списках XVIII в. [Княж. уставы: 60–62, 125–127]. Слову *пошибание* (из устава Владимира) здесь соответствует *stuprum* 'бесчестье, позор, срам, разврат'; слову *пошибаеть* (из устава Ярослава) — *vitiaverit* (от *vitiare* [*virginem*] 'осквернять, бесчестить'); слову *насилить* (из устава Ярослава) — *stupraverit* (от *stuprare* 'осквернять, бесчестить, позорить', т. е. практически то же, что *vitiare*). В особенности существенно то, что в переводах слова *пошибание* и слова *насилити* выступает одна и та же основа *stupr-*. Таким образом, глаголы *насилити* и *пошибати* либо обозначали просто одно и то же, либо различались лишь какой-то деталью[2].

Другой круг данных здесь составляют показания современных говоров. Из многочисленных значений, которые может иметь в говорах глагол *пошиба́ть* и его производные (см. [СРНГ, 31: 31–32]), для нас представляют интерес прежде всего те, где объектом действия могут быть домашние животные, а именно:

пошиба́ть, знач. 9: 'испортить, изуродовать, искалечить'. *Вот тут он* (*бедняк*) *и заревел, пошиб коня*. Арх.; знач. 6: 'уничтожать, убивать'. *Зверь пошиб собаку. Пошибали зверье лошадей.* Смол.;

поши́бка, знач. 1: 'инфекционная болезнь домашних животных'; 'эпизоотия'. Перм., Тобол.; знач. 2: 'болезнь, порча, напускаемая колдуном'. Перм.

Какое же из всех этих значений следует предполагать для грамоты № 954?

Наименее вероятно первичное значение глагола *пошибати* — 'ударять, ушибать': столь незначительная провинность не могла быть причиной позора для всего Людина конца.

Ущерб, который Шильце наносил чужим свиньям и коням, был явно более серьезным. Следует полагать, что он их как-то "портил" (и именно как "портишь" уместно переводить спорное слово *пошибаеши*); но конкретный смысл этой порчи мог быть различным. Это могла быть зоофилия; статьи, предусматривающие данный вид преступления, имеются во многих древнерусских уставах, в частности, в уставах Владимира и Ярослава; и такое поведение действительно могло быть позором для целого квартала. Но это могла быть и порча, напускаемая на скот колдовством — сглазом, наговором и т. п.[3] Это был, вероятно, еще больший позор и вместе с тем источник тревоги и страха. Самым сильным аргументом в пользу этого последнего решения является диалектное *поши́бка*, приведенное выше. Сам факт, что эпизоотия до сих пор называется термином *поши́бка*, т.е. <u>наведенная кем-то</u> порча, ярче всего свидетельствует о том, что народное сознание в случае падежа скота немедленно начинало искать конкретного виновника.

Итак, можно предложить для грамоты № 954 следующий перевод: 'Грамота от Жирочка и от Тешка к Вдовину. Скажи Шильцу: «Зачем ты портишь чужих свиней? А разнесла [это] Ноздрька. Ты осрамил весь Людин конец: с того берега грамота. Она была про коней — что ты с ними то же сотворил»'.

В отношении этого необычного по содержанию документа возникает гипотеза о возможной связи отразившихся в нем событий с теми, что отмечены в новгородской летописи под 1115 и 1118 годами.

---

[2] Одна из возможных гипотез состоит здесь в том, что статья 3 устава Ярослава первоначально касалась только посягательства на замужнюю женщину (как она и читается в некоторых списках, см. [Княж. уставы: 104, 126]. Если это так, то различие между *насилити* и *пошибати* лишь в том, что первое относится к девице, а второе к замужней женщине. Согласно другому предположению, *насилити* означало реальное насилие, а *пошибати* — соблазнение; при этой версии зоофилическая интерпретация фразы *пошибаеши свиньѣ цюжѣ* отпадает.

[3] В связи с этим Р. Факкани указал также на следующий важный факт: слово *vitiare*, использованное в латинском переводе княжеских уставов в качестве переводного эквивалента для *пошибати*, фигурирует во фразе Плиния Старшего (Naturalis Historia, XXVIII, 32): *Idem gallinarum incubitus, pecorum fetus <u>vitiant</u>* 'они же (речь идет о знахарях-колдунах) портят выводки кур и зародыши скота (т.е. делают так, чтобы у скота были выкидыши)'. Тем самым перевод слова *пошибати* глаголом *vitiare* можно расценивать как дополнительное указание на то, что *пошибати* среди прочих значений допускало значение 'портить (колдовством и т. п.) скот'.

Под 1115 г. НПЛ сообщает: *а Новѣгородѣ измьроша конѧ вьсѧ у Мьстислава и у дружины его.* Поскольку грамота № 954 относится именно к этому периоду, допустимо предположить, что обвинение в “пошибании” коней, поступившее с Торговой стороны, связано именно с этим событием. Из текста грамоты можно заключить, что одновременно с падежом коней в Новгороде наблюдался и падеж свиней. Незаурядность этого события и посрамление Ноздрькой “всего Людина конца” не могли не привести к ответным действиям опозоренных людинцев. Возможно, именно об этих действиях мы узнаем из летописного сообщения 1118 г. К этому времени Владимир Мономах отозвал из Новгорода Мстислава, который передал стол своему сыну Всеволоду. Утверждение последнего на новгородском княжении сопровождалось существенным ограничением его власти: Мстислав вынужден был в целях финансовой поддержки Всеволода передать ему в домениальное пользование ряд территорий Смоленского княжества, пограничных с Новгородской землей (см. [Янин 1998]). Под указанным годом летопись сообщает: *томь ж(е) лѣт(ѣ) приведе Володимиръ съ Мьстиславомь вьсѧ боѩры новгородьскыѩ Кыѥву, и заводи ѩ къ ч^с^тьному х^с^оу, и пусти ѩ домовь, а иныѩ у себе остави; и разгнѣвасѧ на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрьчю, и на сочьскаго на Ставра, и затоци ѩ вьсѧ* [НПЛ: 21, 204–205]. Политическая цель расправы Владимира Мономаха над новгородскими боярами очевидна: ограничение новгородцами княжеских прав Всеволода Мстиславича потребовало напоминания о том, кому в системе Древнерусского государства принадлежала верховная власть.

Усадьбы Даньслава и Ноздрьчи находились в Неревском конце: под 1195 г. летопись упоминает церковь св. Димитрия *Ноздрьцину*, заново построенную после пожара 1194 г. Эта церковь находилась на Даньславле улице Неревского конца.

Таким образом, грамота № 954, возможно, отражает первопричину описанных в летописи под 1115 и 1118 гг. событий.

Расправа Владимира Мономаха над группой новгородских бояр нашла отражение в циклах былин о Ставре Годиновиче и об Иванушке Годеновиче, в которых повествуется, как “Ставер сын Годинович посажен в погреба глубокие” и выручен молодой женой Василисой Микуличной. Что Ставр Годинович занимал в Новгороде значительный административный пост, ясно из его похвальбы перед киевлянами: *В Новегороде живу да я хозяином, // Я хозяином живу да управителем // И полным лицом живу доверенным… // Ой глупые бояре, неразумные, // Они хвалятся градом Киевом… // А что это за ограда во Киеве // У ласкового князь-Владимира? // У меня ль, у Ставра, широкий двор // Не хуже будет города Киева* [Былины Печоры: 112].

Грамота № 954 содержит богатый набор имен собственных.

Имя *Жирочько* — одно из многочисленных гипокористических производных от имени *Жирославъ*. В 1-й половине — середине XII в. в Людином конце нам известно несколько лиц, которые в принципе могли бы быть тождественны автору данной грамоты (равно как и между собой): Жирочка из грамоты № 851 (сер. XII в.); Жирята из № 879 (2-я четв. – сер. XII в.); Жирослав из № 657 (сер. – 2-й пол. XII в.).; Жирошка, отец жены Полюда Городшинича, поставившей в 1197 г. монастырь св. Евфимии в Плотниках.

Имя *Тѣшько* стоит в том же ряду производных от корня *тѣх-*, что *Тѣхонъ* в грамоте № 926, *Тѣшата* в № 905, *Тѣшаѧ* в Ст. Р. 21, *Тѣшила* в № 348 и др. В НПК (III, 583, 596) отмечена деревня *Тѣшково* (иначе *Тѣшковичи*).

Въдовинъ — вероятно, притяжательное прилагательное от *въдова*; но не исключено также, что это существительное с суффиксом *-ин-ъ*, первоначальное сингулятивное значение которого затемнено, как в *попинъ*, *господинъ*, *властелинъ*.

Шильце — уменьшительный вариант прозвища *Шило*, которое было на Руси очень популярно: большое число людей с таким прозвищем отмечено у Тупикова и в НПК; засвидетельствованы и патроним *Шильцовъ* [Тупиков: 897], топоним *Шилцово* [НПК, II:

4; IV: 170]. С морфологической точки зрения это прозвище построено так же, как, например, прозвище *Колѣньце* в грамоте № 31 из Старой Руссы.

Об имени *Но(з)дрька* см. выше.

В грамоте представлены древние наименования частей Новгорода: *Людинь коньць*, *онъ поль*. Наименование *онъ поль* 'та половина, та сторона' отражает взгляд жителя Софийской стороны — точно такой же, как в НПЛ. Упоминание Людина конца в грамоте № 954 — самое древнее из ныне известных; оно примерно на три четверти века старше, чем первое упоминание этого конца в летописи (под 1194 г.).

Грамота № 955. Троицкий раскоп. Целый документ из семи строк; начиная с четвертой строки текст расположен уже в двух столбцах.

Предварительная стратиграфическая оценка: вторая половина XII века. Внестратиграфическая оценка: середина – вторая половинаXII века.

ѿ милоушѣ къ
марьнѣ коси вѣ=
ликеє пъєхати бъ є=
и за сновида   рѣкла ти
Маренко   такъ милоушѧ
пеи пизда   въдаи :в҃· гривє
и сѣкъıлє   нє вєцѣрашєнєи

В слове **сновида** вторая буква читается не вполне надежно: по-видимому, это зеркальное *н*, диагональ которого автор прочертил дважды. В слове **вѣликеє** после *вѣли* и после *кее* зачеркнуто по одной букве. В слове **вєцѣрашєнєи** после *ра* зачеркнута буква *ш*: очевидно, автору не понравилось, как она получилась, и он написал ее снова.

В грамоте представлены не встречавшиеся ранее элементы: вторая ее половина расположена в два столбца; в трех точках (в **ѿ милоушѣ**, **Маренко** и **рѣкла**) вырисованы фигурные инициалы книжного типа.

Другая особенность состоит в том, что грамота написана на втором слое листа бересты, на первом слое которого был сделан рисунок: двое святых и большой шестиконечный крест между ними. Рисунок довольно четко пропечатался и на втором слое (в особенности левая фигура и крест); но, разумеется, его линии все же гораздо слабее, чем в буквах письма. Писавший, очевидно, принимал во внимание это изображение: текст письма не затрагивает его. (Не исключено также, что рисунок делался просто на другом листе бересты, который лежал в этот момент в стопке запасенной бересты поверх нашего листа.)

Грамота представляет собой письмо от женщины к женщине; в домонгольский период эта весьма интересная категория берестяных писем встречается неоднократно. Некая Милуша пишет Марене, которая уже хорошо известна нам по нескольким грамотам усадьбы Е Троицкого раскопа, относящихся к тому же времени (см. ниже). Имеется также пряслице с ее именем, найденное неподалеку от самой грамоты № 955 в несколько более позднем слое. Согласно исследованию А. А. Гиппиуса, Марена была женой знатного новгородского боярина Петра Михалковича, игравшего важнейшую роль в новгородской администрации середины – третьей четверти XII века (см. [НГБ XI: 164–174]). Как явствует из берестяных грамот, Марена обладала значительной хозяйственной властью, к ней обращался сам князь, она ведала выдачей денег, поступлением зерна и т. п. Вот тексты грамот, где фигурирует Марена (в переводе).

№ 794 (60-е – 80-е гг. XII в.): 'От Петра к Марене. Если станет князь наделять купцов и пришлет к тебе, то ты ему скажи: «Ты, князь, [этим] ведаешь. Кого из мужей мор прошлой зимой унес, те (тех, тем) ...»'.

№ 798 (то же время): 'Поклон от Завида к тетке (?). Тому из твоих сыновей, у которого есть зерно, прикажи, чтобы отдали дань Марене, поскольку я приду и ты тогда отдашь (очевидно, своему сыну) назад зерном же. Кланяюсь тебе'.

№ 849 (сер. XII в.): 'Приветствие от Петра к Демше. Дай Микуле Кишке гривен шесть, взявши у Марены. Приведя его сам, дай в присутствии Марены. А если попросит Ярко, то тому не давай. Приветствую тебя. Сделай же милость, исполни сам'.

Об имени *Марена* см. [ДНД$_2$: 314]. *Милуша* — ценное пополнение пока еще довольно ограниченного фонда древнерусских дохристианских женских имен; ср. аналогичное по строению *Малуша* (имя ключницы княгини Ольги).

Четырехстрочная запись во втором столбце (начинающаяся со слова рѣкла) представляет собой относительно самостоятельную часть текста — своего рода приписку: 'Говорит (*букв.* сказала) тебе Милуша: дай две гривны вчерашние'. Как можно видеть, автор (Милуша) упоминается здесь в третьем лице. Возможно, таким образом, что все письмо записывала не сама Милуша, а кто-то другой. Но это все же не обязательно: называть себя в письме в третьем лице, по-видимому, иногда могли и сами авторы.

Отметим, что *р⟨е⟩кла* здесь следует понимать не как 'сказала', а как 'говорит' (этой самой грамотой). Ср. точно такое же употребление перфекта в грамоте Ст. Р. 11 (*Иванѧ моловила Ѳимь*); см. об этом [ДНД$_2$: 447].

При всей простоте этой приписки она рисует нам довольно яркую сцену из древненовгородского быта. Видно, с какой удивительной легкостью женщины той эпохи прибегали к письменной форме общения. Милуша виделась с Мареной еще вчера, когда они обсуждали какое-то дело, связанное с двумя гривнами (например, Марена могла обещать эти две гривны Милуше за что-то, или она взяла их у Милуши в долг на один день и т. п.). А уже на следующий день Милуша об этом пишет.

Много труднее для понимания основной текст письма. Он делится на две части, каждая из которых имеет свой инициал. Первая часть, за вычетом адресной формулы, — это отрезок *косивѣликеепъехатибъеизасновида*, где даже словоделение не вполне очевидно.

Начальное *ко* наводит на мысль, что здесь содержится какое-то приложение (или определение) к имени адресата (*къ Марьнѣ*). В частности, по сходству с народными словами типа *сиволапый*, *сиволобый* можно предположить, что здесь стоит *ко сивѣликее* 'к сиволикой (серолицей)'. Но против этого говорит, во-первых, буква *ѣ* (а не *о*) после *сив* (т. е. здесь пришлось бы предполагать прямую буквенную ошибку), во-вторых, сугубо книжный характер морфемы *лик-* (в народном тексте должно было бы быть *лиц-*).

Другое членение — *коси вѣликее*. Можно предположить, в частности, 'коси большие' (подразумевается: пожни). Буква *ѣ* вместо *е* в слове *вѣликее* здесь препятствия не составляет: в грамоте есть и другие, вполне надежные примеры взаимной мены этих двух букв: *рѣкла* вместо *рекла*, *вецѣрашенеи* вместо *вьчерашьнѣи*. Но отсутствие существительного в такой фразе, конечно, странно.

Относительно надежно вычленяется следующее слово: *пъехати*. Вычленяется также сочетание *за Сновида*, где выступает хорошо известное древнерусское имя *С*(ъ)*новидъ*, встречающееся и в берестяных грамотах (см. [ДНД$_2$: 361]).

Соответственно, для второй части фразы естественно принять членение *пъехати бъ еи за Сновида*. Выражение *поѣхати за кого*, насколько можно судить, непосредственно не засвидетельствовано, но его смысл вполне прозрачен. Исходным здесь является устойчивое выражение *поити за кого* 'выйти замуж за кого-л.'. Слово *замуж*, часто (но все же необязательно) добавляемое здесь в современном языке, в древнем языке не требовалось: ср. хотя бы *поиди за м⟨е⟩не* в берестяной грамоте № 377. Это вполне логично: древнее *за мужь* еще ясно осознавалось как словосочетание, совершенно однотипное с *за Петра*, *за кнѧзѧ* и т. п.; *идеть за Петра* было конкретным указанием жениха, а *идеть за мужь* — просто сообщением о том, что намечается брак.

Что же касается употребления глагола *поѣхати* вместо *поити*, то, видимо, это реализация образа свадебного поезда. Глагол *поѣхати* и производные от него широко употребляются в народной терминологии, связанной со свадьбой, и в свадебных песнях, выступая практически как обозначение самого события свадьбы. Так, в [СРНГ, 28: 277–284] отмечено целых 25 терминов с основой *поезд-*, *поезж-*, связанных со свадьбой, в частности: *по́езд*, *поезда́* (жен. рода), *поѐздины*, *поезжа́ние*, *поезжа́не*, *поезжа́ки*, *поезжа́лый*, *поезжа́ный*, *поезжа́тый*, *поезжа́льня*, *поезжа́нь*. Особый интерес в этой связи представляет отмеченное в КСГРС *уе́хать* 'выйти замуж' (Волог.): *Уехано у ёй было перед самой войной*; *Уехали все, никто в девках не осталси*; *Пересидевши в девках, не уехала во время*[4].

Правда, в *поѣхати бъ еи* может вызвать сомнение *бъ* вместо ожидаемого *бы*: имеющиеся в нынешнем корпусе берестяных грамот примеры *бъ* относятся к XIV и XV вв. Однако сравнение с другими примерами утраты конечных гласных (не редуцированных) показывает, что во 2-й половине XII в. это явление было уже возможно. Вот примеры утраты конечной гласной в берестяных грамотах XII в.: *вѣдаешь* 794, *истерꙗешь* 809, *воземеше* 227, *оправ*[*ь*] 850, *ополош* Ст. Р. 10, *быше* ⟨*-шь*⟩ 809 (из *бышꙗ*), *домовь* 'домой' 421, *о*[*ть*] 844, *ѿ* (= *оть*) 809, *ать ти* 502, *дать да* 852; также чуть позднее — в грамотах рубежа XII–XIII вв. и начала XIII в.: *моловише*, *не оуправише*, *оте* ⟨*-ть*⟩ 705, *молове* ⟨*-вь*⟩, *то те* ⟨*ть*⟩, *пако* ⟨*-къ*⟩ (из *пакы*) 531; подробнее см. [ДНД$_2$, § 2.28].

С другой стороны, в данном случае *бъ* может стоять вместо *бы* и не по фонетической, а по чисто графической причине: ср. *3 гривнъ* ⟨*-ны*⟩, *съ близокъ* ⟨*-кы*⟩ 907 (рубеж XI–XII вв.), *дроугъхо* ⟨*-гыхъ*⟩ 662/684 (XII в.), где представлена графическая замена *ы* на *ъ*.

Представляет интерес также синтаксическая сторона оборота *поѣхати бъ еи*, т. е. сама конструкция “инфинитив + *бы* + датив субъекта” в значении 'следовало бы такому-то сделать то-то', 'суметь бы такому-то сделать то-то'. Эта конструкция до сих пор в берестяных грамотах не встречалась, но известна, в частности, из Киевской летописи за XII век. Вот некоторые примеры: *то аче бы ми и далече того блюсти ѿслати, а моглъ бы*^{х} *Игорꙗ съблюсти* (Ипат. [1147], л. 130); *се иноплеменьници ѿꙗли ѿтчиноу вашю, а лѣпо вы бы потроудитисꙗ* ([1189], л. 230); *и поча с ни*^{м} *думати, ꙗко же бы Изꙗславу оу Киевѣ сѣдѣти, а С҃тославу оу Черниговѣ* ([1154], л. 171); *но ловимъ оу ни*^{х} *того, како бы ны взꙗти бродъ Зароубьскыи* ([1151], л. 154); *и почаша с нимъ доумати, коуда бы имъ выѣхати в Роускоую землю* ([1190], л. 231 об.).

Кто же та девица, к которой относится слово *еи* в *пъехати бъ еи за Сновида*? Ни к адресату, ни к автору это *еи* относиться не может: адресат не называется в берестяных грамотах в третьем лице никогда, а автор, хоть и может быть назван в третьем лице, в данном случае по содержательным причинам вне подозрений.

Очевидно, ее имя, если оно вообще названо, может скрываться только в отрезке *косивѣликее.* Здесь следует учесть, что во 2-й половине XII в. уже бывают случаи замены *ѣ* на *и* (см. [ДНД$_2$, § 2.31]); это значит, что *коси* может стоять вместо *косѣ*.

После этого искомая девица уже находится: это дочь Марены (или, может быть, какая-то другая ее родственница) с домашним прозвищем *Коса Великая.* Более уместного и более фольклорного прозвища для де́вицы-красы трудно и придумать. Могло быть, например, несколько сестер, из которых эта была старшей (следует полагать, что для формирования прозвища старшинство было важнее, чем реальная величина косы). А выдавать дочерей замуж, как хорошо известно, полагалось строго в порядке старшинства.

[4] Из общих соображений можно было бы также предположить для выражения *поѣхати за кого* значение 'выйти замуж в другой город'; но приведенные здесь данные говоров делают такое предположение излишним.

Таким образом, мы интерпретируем *косивѣликее* как дательный падеж *Кос⟨ѣ⟩ В⟨е⟩лик⟨ѣи⟩*[5]. Местоимение *еи*, как это нередко бывает в народных текстах, дублирует этот дательный падеж: 'Большой Косе — пойти бы ей замуж за Сновида'.

Стоящая затем звательная форма *Маренко* — прямое обращение к адресату, причем в этот раз имя выступает уже в ласкательной или фамильярной форме (с суффиксом *-*ък*-). Отметим, что с точно таким же варьированием представлено в грамотах и имя мужа Марены: он именуется то *Петръ*, то *Петрокъ*.

Пропуск ъ в *Марен*(ъ)*ко* — такой же, как в *С*(ъ)*новида*.

Следующую словоформу *пеи* нужно понимать как императив 3-го (а не 2-го) лица: 'пусть пьет'. (К сожалению, нельзя установить, что стоит за буквой *е* в *пеи*, — прояснившееся [е] или еще исконное [ь].)

Последняя фраза, выходящая за рамки "нормативной" лексики, — готовое речение, бытовавшее в эротическом фольклоре. Эта формула ('пусть пьет vulva') в буквальном виде неоднократно отмечена в фольклорных записях XIX–XX вв.; см. [РЭФ: 329, 483, 484, 513]. Она явно связана со "срамными" песнями, составляющими важную часть народного свадебного ритуала, исконная функция которых состоит в том, чтобы магическим путем способствовать плодородию, продолжению рода. Первоначальный образ здесь восходит к индоевропейской древности: обожествленное Небо (санскр. *Dyaus*, греч. Ζεύς, лат. Juppiter — мужское начало) оплодотворяет обожествленную Землю (слав. *Мать сыра земля*, греч. Δημήτηρ — женское начало)[6] дождем. Тем самым Земля пьет; ср. выражения типа *Дождь напоил землю*. "В этнографической и мифологической литературе широко известны славянские и индоевропейские (и не только индоевропейские) свидетельства о небе-отце и матери-земле и связанные с ними обряды вызывания дождя — мужского оплодотворяющего семени, дающего земле плодородие" [Толстой 1995: 413]. Н. И. Толстой указывает [там же: 412–417] на фразеологизмы *пьян как земля* и *пьян как мать*, сохраняющиеся в белорусской и сербской народных традициях, объясняя их как отражения того же первичного мифа. Вариации этого же мотива в сниженной форме сохраняются в эротическом фольклоре; ср., например, в РЭФ [126, № 24]: "А чего тебе, дивчина, / пузо надулось?" / — "В поле была, горох ела, / Воды *напилася*". Наиболее полный анализ мифологических корней русской "заветной" (выражаясь языком Даля) терминологии и ее сакральной функции см. в работе Б. А. Успенского "Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии" [Успенский 1996: 67–161].

Формула, выступающая в грамоте № 955, отражает тот же мифологический образ, что *пьян как мать*, — с теми же семантическими компонентами 'пить, напиться' и 'рождающее начало, genetrix'. В письме Милуши эта формула играет роль своего рода цитаты из предстоящего свадебного празднества с его общим эротическим ("срамным") колоритом. Это образный призыв к Марене (ср. начинающее фразу фамильярное *Маренко!*), чтобы та согласилась на эту свадьбу. Таким образом, в данном случае никакой бранной окраски "заветная" лексика не имеет: она выступает в рамках своей исконной сферы, где она еще отчетливо сохраняет свой первоначальный сакральный и ритуальный характер.

За написанием *сѣкыле* стоит либо *сѣкыл⟨ь⟩*, либо *с⟨и⟩кыл⟨ь⟩* (в последнем случае мы имеем дело с еще одним примером мены *и* и *ѣ*, помимо *коси*). Это то же, что *sikoll* у Фенне (с. 89) и *сéкиль*, *сúкель* 'clitoris' в говорах [СРНГ, 37: 126 (Забайкалье); 37: 300 (Перм., Сев.-Двин., Сиб.)]; в этих же двух вариантах слово многократно представлено в

---

[5] С грамматической точки зрения допустимо также другое решение: *Коси Вѣликее* — это прозвище "Большие Косы" (т. е. И. мн., а не Д. ед.). Но, во-первых, коса, по-видимому, должна была быть одна; во-вторых, наименования людей словоформой множ. числа предельно редки.

[6] Ср. также непосредственное включение слов 'отец' и 'мать' в наименования *Juppiter*, *Мать сыра земля*, Δημήτηρ.

РЭФ). Суффикс -*ыль*, который выявлен благодаря данной грамоте в этом слове, — тот же, что в *мотыль* (ср. *мотаться*, *метаться*), *костыль* (от *кость*), *горбыль* (от *горб*) и др. Корень — *сик-*, *сѣк-*, *сьц-* ʻmingereʼ (с разными ступенями чередования).

Последние два слова, соединенные союзом *и*, образуют характерную для народных текстов риторическую фигуру — так наз. гендиадис (парное обозначение единого понятия), типа *совет да любовь*, *страх и ужас* и т. п.

По предположению М. Бобрик, Милуша — сваха (подобно Ярине в берестяной грамоте № 731). Вполне возможно также, что две гривны "вчерашние" прямо связаны с этой ее деятельностью. Например, фраза про гривны может означать, что, по мнению Милуши, она уже заслужила обещанную ей накануне награду.

По предположению А. А. Гиппиуса, Сновид — тот же, что в грамоте № 780 (где он назван в числе художников).

В итоге в свободном переводе можно представить грамоту № 955 так. Основная часть: ʻОт Милуши к Марене. Большой Косе — пойти бы ей замуж за Сновида. Маренка! Пусть же напьется (набухнет)[7] рождающее лоно!ʼ. Дополнительная часть: ʻГоворит тебе Милуша: дай две гривны вчерашниеʼ.

Грамота № 956. Троицкий раскоп. Левая часть двухстрочной грамоты.

Грамота найдена практически на той же глубине, что и грамота № 955, в 8 метрах к северу от нее; соответственно, она по всей вероятности относится к тому же времени, что № 955, или к чуть более раннему.

то [ми]хα[лѧ ко] ...
рицѧми въземо ѳ҃ г[ри]вьн...

Отрезок *рицѧми* — почти наверное конец словоформы *вѣверицѧми* ʻденьгамиʼ.

Если утраченная правая часть была относительно невелика, грамота могла быть построена, например, по следующей схеме: ʻОт Михаля к [X-у. У Y-а] деньгами взяв 9 гривен, [сделай то-то]ʼ (скажем, адресату предлагалось приехать с этими деньгами или кому-то их передать и т. п.).

Поскольку грамота входит в тот же комплекс, что и грамота № 955, которая адресована Марене, ее автор Михаль в принципе мог быть свекром Марены — отцом ее мужа Петра Михалковича. Вариантность *Михаль – Михалко* была бы в этом случае вполне сходна с вариантностью *Петръ – Петрокъ* и *Марена – Маренка*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Былины Печоры — Былины Печоры и Зимнего Берега. М.; Л., 1961.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

ДНД$_2$ — *А. А. Зализняк.* Древненовгородский диалект. Изд. 2-е. М., 2004.

Зализняк 1985 — *А. А. Зализняк.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Ипат. — Полное собрание русских летописей. Том второй. Ипатьевская летопись. М., 1962.

Княж. уставы — Древнерусские княжеские уставы. XI–XV вв. Л., 1976.

КСГРС — Картотека Словаря говоров Русского Севера (Екатеринбург, Уральский университет, кафедра русского языка и общего языкознания).

[7] Слова *напьется* и *набухнет* оказываются в данной ситуации почти синонимичными. Отметим в связи с этим замечательную этимологическую находку Н. И. Толстого, который объяснил русское просторечное *бухóй* ʻпьяныйʼ как развившееся на основе первоначального значения ʻнапоенный, насыщенный влагой, набухший, мягкийʼ [Толстой 1995: 416–417].

НГБ XI — *В. Л. Янин*, *А. А. Зализняк*, *А. А. Гиппиус*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004.

НПК — Новгородские писцовые книги. Т. I–VI и указатель. СПб., Пг., 1859–1915.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

РЭФ — Русский эротический фольклор: Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки (Составление и научное редактирование А. Топоркова). М., 1995.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1 – . М., 1988 – .

Слов. XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.

Срезн. — *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1903.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1965–.

Толстой 1995 — *Н. И. Толстой*. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.

Тупиков — *Н. М. Тупиков*. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.

Успенский 1996 — *Б. А. Успенский.* Избранные труды. Т. II. Язык и культура. М., 1996.

Янин 1998 — *В. Л. Янин.* Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998.